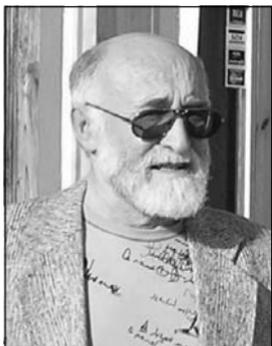

Геннадий Литвинцев

В САДУ ВЕТВЯЩИХСЯ ТРОПОК

(Тринадцать веков
поэзии исламского мистицизма
в книге переводов русского поэта
Юрия Ключникова)

Геннадий Михайлович Литвинцев родился в 1946 году в китайском городе Харбин в семье русских эмигрантов. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Работал журналистом, корреспондентом ряда союзных изданий в Прибалтике и «Российской газеты» в Воронеже. Автор многочисленных публикаций в журналах и альманахах, нескольких книг прозы и стихотворений. Победитель литературного конкурса Довлатовского фестиваля искусств, лауреат Всероссийской литературной премии им. П. Бажова. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

*О, тайный Виночерпий погребка!
Протри глаза души моей незрячей:
Мне без Тебя не справиться с задачей!*

Юрий Ключников
Караван вечности. Поэтический эпиграф

“П ри основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по своему своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей», — писал известный поэт, друг и сподвижник Пушкина В. Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», опубликованной в 1824 году. То же утверждал А. Грибоедов: «Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного». В двух этих высказываниях заключена в кратком виде тождественная по сути программа научных и поэтических занятий Востоком. Двести лет прошло, а призыв Кюхельбекера и Грибоедова по-прежнему не

лишен злободневности. Конечно, упомянутым персидским поэтам-классикам терпения хватит и еще подождать, но нам-то, русским читателям, нет никакого резона отказываться от «сокровищ». Тем более, что отечественные поэты и переводчики за два столетия немало сделали для их освоения, показав на данной ниве и «большое трудолюбие», и «основательнейшие познания». Достаточно вспомнить имена В. Жуковского, А. Фета, Вл. Соловьева, В. Брюсова, Н. Гумилева, В. Леви-ка, М. Лозинского, Г. Плисецкого, О. Чухонцева и других.

Но и на фоне несомненных достижений русской переводческой школы в освоении поэтических богатств Востока книга нашего современника, известного поэта, философа, эссеиста, путешественника Юрия Ключникова «Караван вечности. Тринадцать веков поэзии исламского мистицизма в переводах и переложениях» (Изд. второе, расширенное и дополненное. М.: Беловодье, 2023) удивляет своей монументальностью и широтой историко-культурного кругозора. 620 стихотворений наиболее выдающихся поэтов средневекового Ирана, Турции, Средней Азии, Индии, творивших с VIII по XX вв., сопровождаемых их развернутыми биографиями, плюс поэтическое переложение их трактатов и афоризмов, стихи-подражания и посвящения представленным поэтам, наконец, обширная статья «Солнечный свет суфийской поэзии» — вот содержание сборника. В дополнение к первому изданию 2016 года данная книга содержит еще и большой новый раздел — «Суфийская поэзия народов России». Цветущий сад ветвящихся тропок!

Юрий Михайлович Ключников, лауреат ряда всероссийских и региональных литературных премий, автор двадцати книг поэзии и публицистики, живет в Новосибирске. В декабре ему исполнилось 93 года, но он до сих пор пишет стихи, работает над переводами, полон новых творческих замыслов. Культурой Востока (прежде всего Индии, Китая, Ирана), восточной философией и поэзией поэт увлечен с дней юности. Приступая к переводам и переложениям полюбившихся произведений древности и средневековья, задался целью соединить сакральные знания с высокой поэзией. Поиски примеров такого синтеза привели в стан персидских поэтов, поэтов-суфиев, которые в своих произведениях не только передают глубокие и сложные человеческие чувства, но и непрестанно ведут разговор с Богом. При этом умеют сжимать мысль и чувства до короткой, чеканной формы.

Говорят, в Иране каждый второй житель — поэт или почитатель поэзии. Из века в век в этой стране богословие и философия, астрономия и медицина, государственное управление и природоведение неотделимы от стихосложения, развивались и выражались в поэтической форме. И в настоящее время стихами классиков персидской поэзии расцветаются выступления депутатов меджлиса и статьи ученых, проповеди богослужителей и телевизионные репортажи. Газелями Хафиза объясняются в любви, а притчами Руми разрешаются правовые и имущественные споры. Лирика по своей природе является самым чутким отражением человеческой души, в этом смысле с ней не сравнится ни богословие, ни философия, ни, тем более, политическая деятельность. Недаром все великие духовные учения передавались в образном, поэтическом изложении, отражающем живую стихию духа, еще не застывшую в строгой рациональной форме.

Восток, как известно, — дело тонкое, открывается он не сразу. Вот и стихи поэтов-суфиев поначалу кому-то могут показаться малопонятными — то слишком простыми, даже наивными, то излишне замысловатыми, перегруженными образами и смыслами. Возможно, кого-то удивит то, что под пером приверженцев ислама, религиозной конфессии, строго осуждающей спиртные напитки, настойчиво и цветисто воспевается винопитие; что в стихах аскетов, отказавшихся в жизни от всякой роскоши, женщинам предписывающих скромность, целомудрие и внешнюю закрытость, звучат призывы лирического персонажа к объятиям и поцелуям — всему этому находится объяснение в суфийской поэтической традиции.

Надо знать, что поэзия суфиев глубоко символична, и за образами земной красоты, любви и вина открываются иные горизонты и глубины, философское постижение Бога, сущности бытия и смерти:

О, Виночерпий! Дай вина; судьба подарок принесла:
Земля проснулась ото сна, в саду моем цветет весна.
Я бросил в том саду зерно, зерно надежд, что ты верна.
И вот Тобой взросло оно, Тобою жизнь озарена.
Душа томилась и ждала, смятеньем мыслей сражена.
Но ты, любимая, пришла — и воцарилась тишина.
Вошла в судьбу мою, как царь; судьба отныне решена.
Кладу ее на твой алтарь, душа тобою лишь пьяна.
Нежней блаженства не найти, пьянее в мире нет вина.
Моя дорога впереди теперь тобой озарена!
Все достойные возьми, все мои песни, письмена,
О дочь Творца, у Низами отныне ты теперь одна!
Хвала Царю царей! Весна и сад, и ты, и времена —
Везде рука Твоя видна; всему Ты — крыша и стена.

Низами Гянджеви (1141–1209)

Суфий в странах исламского Востока — странствующий мудрец, дервиш, человек, сознательно избравший нищету, отдавший всего себя на пути к своему Возлюбленному (т.е. Богу). Отсюда постоянные мотивы духовной любви, долгого пути, по которому идет поэт к своей главной цели — обретению абсолютной свободы в результате слияния с божественным Возлюбленным, мотивы тщетности мирской суеты и рационального знания, символического опьянения «вином истины»:

Обретаю в молитве к Тебе долгожданную Мекку:
Каждый выдох и вдох Твой дарует любовь человеку.
Коль бывает на свете какой-то любовный устой,
Он, наверное, в том, что нельзя устоять пред Тобой.
Что в соперниках вижу? Лукавство, холодную трезвость.
Среди пьяных разгул, безрассудство, бесплодную дерзость.
Но искатели выгод и благ непременно садятся на мель.
А в безумном хмелю нахожу глубочайшую цель.
Просят все у Тебя перед смертью грехов отпущенье.
Мне не нужно ни благ, ни поблажек, ни даже прощенья.
Не желаю дороги иной, чем которой иду.
Все приму от Тебя: наслажденья, удачи, беду.
Так Ты сам сотворил ту дорогу нелегкую нашу,
Где положено выпить не сладкую — горькую чашу.

Хафиз Ширази (1325–1390)

В суфийской поэзии возлюбленного обычно именуют «кумиром», достойным поклонения, чувственным образом Божественного, которое скрыто от взоров именно по причине своего нестерпимого блеска. Красота утрачивает смысл, если нет созерцающей ее любви, — здесь уместно вспомнить концепцию Бога как сокрытого сокровища, которое пожелало быть познанным. Он являет себя ради того, чтобы зажечь любовь в человеческом сердце. Великие учителя любовного мистцизма, такие как Ахмад Газали, Джалаладдин Руми и Фахруддин Ираки, рассматривали земную любовь как наставнический опыт, как упражнение в повиновении Богу, поскольку земная возлюбленная, подобно Богу, требует абсолютного повиновения. «Что бы я ни произнес, описывая и объясняя слово “Любовь”, ког-

да дело доходит до самой Любви, я стыжусь своих объяснений», — говорит Руми. Он сравнивает земную любовь с деревянным мечом, который отец дает своему ребенку, чтобы ребенок овладел приемами боя.

Влюбленный и возлюбленный немислимы друг без друга — действия влюбленного целиком состоят из «нийаз» (просьб и вымаливания любви), тогда как возлюбленная вся сотворена из «наз» (лукавства, игры), за этой противоположностью скрывается единство любви. Концепция красоты, статичная по своей сути, полностью теряет смысл без восхищения и любви; возлюбленный нуждается во влюбленном, чтобы достичь полного совершенства.

Наиболее характерные термины, в которых описывается объект любви, — сияние, свет (*forugh, partow*), красота (*jamal*), совершенство (*kamal*). Причем такие характеристики даются не только Богу, но и «земному возлюбленному». Будь то женщина или мужчина, «земной возлюбленный» оказывается замещением, образом и подобием Бога, к которому, и только к нему, суфий испытывает подлинную страсть. Для описания кульминационного момента в «земной любви» используется термин *fanā'* — «гибель, небытие», — в суфийской философии обозначающий высшую ступень самосовершенствования. Все это подчеркивает сходство «земной» и «божественной» любви, их метафизическое единство. «Свидетельствование Бога в женщине полнее и совершеннее, — писал Руми. — Ведь Бог никак не может быть увиден вне материи». Иначе говоря, поэт должен уметь возводить свою земную любовь к ее божественному источнику, осознавать ее символический характер. Поклонение же прекрасному земному существу — необходимый элемент божественной любви и вовсе не является богохульством:

Чадру сорви с себя, не мучь меня насмешкой:
Изнемогаю от любви, поторопись, не мешкай.

С тобою рядом все другие несравнимы,
Одно твоё твержу я днем и ночью имя.

Над запоздалыми признаньями не смейся:
Держу тебя за руку, на свободу не надейся.

И сам, подобно птице, поднимаю крылья,
Но связанные зря они творят усилие.

Мне чудный Лик открылся сквозь туман.
Чу, отправленья знак! Уходит караван.

Рухолла Хомейни (1902–1989)

Физическая смерть толкуется как самая высшая усиленная форма потери собственного «я». На исчезновение чувства собственного «я», даже сознания индивидуальности у влюбленного указывает знаменитый образ мотылька, который порхает в возлюбленном-пламени, за одно мгновение он становится пламенем и в смерти находит страстно желаемый любовный союз. У мистиков появляются образы растворения индивидуального существования мистического влюбленного в личности возлюбленного: капля исчезает в море, влюбленный сгорает от силы своей любви.

Более высокая ступень любви заключается в отказе от всех эгоистических желаний в пользу возлюбленного, в желании которого растворяется собственное желание. На низкой ступени любви влюбленный — субъект желания, он хочет чего-либо; на высшей ступени он — объект желания возлюбленного. В начальной стадии любви влюбленный желает иметь возлюбленного для себя. Такой влюбленный сам себя любит посредством возлюбленного, ибо желает употребить возлюбленного для своих собственных целей. Но если начинает вспыхивать совершенная любовь, то влюбленный желает для возлюбленного себя и желает отдать ради него жизнь:

Когда земная жизнь сжимает душу,
Ты жалобы и плач ее не слушай.

Так человека сотворил Господь:
Душа болит, страдает с нею плоть,

А дух растет и твой, и Мироздания.
И это есть закон произрастания,

Итак, ты пальцы сжал свои, Руми,
Держась за жизнь, теперь их разожми

Для нового рожденья, для даренья,
Согласно сжатию миров и расширенью.

Джалаладдин Руми (1207–1273)

Лирика исламских поэтов-суфиев в переводах и переложениях Юрия Ключникова является сложную игру блистательных символов, угадываемых за каждым словом, двуступенчатой или стихом. Даже самое «земное» стихотворение, с бытовыми штрихами, удивляющее неподготовленного читателя нарочитой профанацией некоторых коранических слов и смыслов, обретает у суфийских поэтов отчетливый «религиозный» оттенок. Так бассейн во дворе мечети, отражая строение, умножает его красоту волшебным эффектом ряби или зеленоватым оттенком воды.

* * *

Второе издание «Каравана вечности» соединило на своих страницах 27 великих персидских, арабских и тюркских поэтов, обогатив почитателей восточной поэзии новыми переводами Джалаладдина Руми, Мухаммада Икбала и Инаята Хазрата Хана. Но самое главное отличие нынешнего издания от предыдущего — рядом с классиками встали сочинения 29 российских поэтов, представляющих суфийскую (или близкую к суфийской) поэзию Дагестана, Чечни, Караево-Черкессии, Татарстана, Башкирии, Крыма. Перед стихами каждого автора помещены тщательно проработанные биографические справки. Сегодня это едва ли не первая попытка осмыслить и систематизировать российский поэтический суфизм как часть мирового явления.

Исключительно интересная и познавательная получилась книга — настоящий пир для знатоков и любителей восточной мудрости и поэзии. Но, прямо сказать, — и трудная книга, требующая для чтения не только большого внимания и сосредоточенности, но и определенной подготовки, знаний о предмете и эпохе. Если читать «Караван вечности», беря во внимание внутренние глубины, минуя ассоциативные отсылки к природе, истории, религии, культурной среде представленных в сборнике стран и поэтов, то кому-то книга может показаться довольно сложной, перенасыщенной. У других с первых страниц она вызовет любопытство и жадную торопливость, но при этом возникнет опасность скольжения лишь по поверхности текста без освоения более скрытых слоев, внутреннего богатства, всей многомерности созданного автором-составителем.

Вроде бы перед нами ясная и простая конструкция: лирические и философские стихи, объединенные в книги-циклы, к ним прилагается прозаический текст, поделенный на краткие, нарочито лаконичные главки. Все на виду. Но простота эта обманчива: объем охваченного книгой материала несоизмерим с очевидностью членений, а проработанность материала, дающая редкостный эффект полноты, содержательной универсальности и неисчерпаемости смысла, несопоставима с кажущейся элементарностью авторских информационных сообщений.

Не беремся судить об адекватности представленных стихотворных переводов оригиналам, имея в виду такие параметры, как близость текста к содержанию

оригинала, верность его размеру и способу рифмовки, соответствие художественному стилю и т.д. Как подчеркивал Михаил Лозинский, один из опытейших русских переводчиков, форму поэтического произведения образует комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, таких как ритм, строфика, стилистика, смысловое, образное и эмоциональное содержание слов и их сочетание. Как следует из предисловия составителя сборника, перед нами не научные, а вольные, художественные переводы поэзии Востока, которые не следует рассматривать как пособия для изучения фарси или татарского языка. Их задача — передать красоту не буквы, но прежде всего духа суфийской поэзии, показать соответствие ритмов и образов этой поэзии с русской поэтической традицией. Такие книги воспринимаются обычными читателями гораздо легче, нежели академические переводы. А пробудив первоначальный интерес, в дальнейшем могут подтолкнуть читателя к изучению суфийской литературы и по академическим изданиям.

Важно знать, что «Караван вечности» — лишь часть большого литературного проекта Юрия Ключникова, осуществляемого поэтом, по сути, индивидуально. Проект открылся в 2011 году книгой «Откуда ты приходишь, красота? Вольные переводы французской поэзии XII–XX вв».

Первое издание переводов суфийской поэзии вышло в 2016 году и вызвало определенный резонанс: на конкурсе Союза писателей России стало «Книгой года» в номинации «Художественный перевод», пользовалось успехом на международной книжной ярмарке в Тегеране.

В 2018 году большое внимание ценителей привлек сборник «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии». Далее пришел черед англо-саксонской поэзии, вышли сразу две книги: «Сонеты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи» и «Джон Донн. Растущая любовь. Сто двадцать лучших стихотворений и поэм».

И еще три фундаментальные книги одного автора — сборники «Слово Ариарваты: 35 веков индийской поэзии», «Весть о рассвете: переводы и переложения китайской поэзии XIX–XXI вв.» и, наконец, — «Песни тысячелетий: 43 века мировой поэзии», который охватывает тексты от шумерской поэзии до современных стихов.

В общей сложности на сегодня в активе Юрия Ключникова — переводы 2350 стихотворений с 39 языков мира, голоса нескольких тысячелетий и десятков стран Азии, Европы, Африки... Как поверить, что это стало под силу осуществить одному человеку, пусть и в продолжение всей долгой жизни? О литературных достоинствах переводов и переложений говорит множество восхищенных откликов знатоков и специалистов.

Не пора ли по достоинству оценить титанический труд долгожителя русской поэзии, придав ему надлежащее государственное и общественное значение? Разве книги китайской, индийской, исламской, европейской поэзии, переведенные и изданные сейчас в частном порядке, при умелой поддержке и рекламе не могут из литературного факта перерасти в факт политический, стать существенным подспорьем в налаживании культурных и общественных контактов нашей страны с другими странами? Разве они не способны обогатить культурную почву самой нашей страны, духовный мир нашей молодежи?

Провозглашенной некоторыми кругами на Западе «культуре отмены» необходимо противопоставить культуру «цветущей сложности» и освоения духовных богатств разных цивилизаций.

